ГЕОРГИЙ ГУЛИА

СТИХИ

Союз Советских Писателей Абхазии
Сухуми — 1944

ИЗ ЦИКЛА
„В БИТВАХ ЗА РОДИНУ".

ЧЕРНОМОРЕЦ

Герою Советского Союза
Раждену Барцыц.

Догорал весёлый костёр,
Напутствовал сына отец...
В туманный морской простор
Вышел герой-боец.

И долго звучала в ушах
Отцовская речь:
„Чтоб спокойна была душа,
„Будь беспощаден, как смерч!"

В мареве жгучих сеч
Без страха сражались бойцы.
Острей, чем испытанный меч,
Была твоя месть, Барцыц!

Молча вступал ты в бой,
Смерть посылая врагу.
Снаряды рвались над тобой
В море и на берегу.

Не дрогнул ты, не склонил
Гордой своей головы —
От дедов завет искони:
Драться с врагами, как львы!

Победа! И весть, как гонец,
Примчалась в родимый край.
И, забывший про сон, отец
Говорит о тебе до утра.

Будет долго звучать в ушах
Отцовская речь:
„Спокойна моя душа —
„Он беспощаден, как смерч!“

ИДУЩЕМУ ВПЕРЕД

В невыносимый зной степей,
В дожди сентябрьских непогод,
В распутицу весенних дней,
В морозы — ты идёшь вперед.

От Волги до карпатских круч
Врага в бою испепелял,
Ты молнией сверкал из туч,
Подземным гулом громыхал.

Крушил твой прадед Измаил,
Он покорял вершины Альп, —
Не оттого ль могуч твой пыл
И меток стоголосый залп?

Тебя запомнит Сталинград,
Запечатлит твой образ Днепр.

С пути сметая цепь преград,
Ты рос в боях, в боях окреп.

В невыносимый зной степей,
В дожди сентябрьских непогод,
В распутицу весенних дней,
В морозы — ты идёшь вперёд.

На грозный и священный бой
Тебя благословил народ,
Хранимый русскою судьбой,
Вперёд, герой, всегда вперёд!

КИАЗЫМУ АГРБА, ВИТЯЗЮ

Теперь мы с тобою знакомы,
С портрета светит улыбка;
Чую, ты, высью влекомый,
Такой же и в облаке зыбком.

Глаза задорны и молоды —
Давно ли из дома родного? —
А грудь уж сверкает золотом
И сердце бьётся сурово.

Юношей многих я видел —
(Сам был юным когда-то) —
Врагу не спускали обиды,
Насмерть стояли за брата.

Но ты среди славных особый,
Новою метой отмечен.

Клянёт тебя ворог от злобы,
Твои обнимаем мы плечи.

Пусть в лёте непобедимом
Крылья стальные сверкают,
На радость нашим сединам
Руки твои мужают.

Летай и впредь без помехи,
Сжимая петлю на вражьем горле!
Да славится тот вовеки,
Чьей волей и мыслью ты вскормлен!

БАЛЛАДА О ГОРЯНКЕ

Политруку Александре Назадзе-Пха, павшей в бою за Дон.

Сызмальства — горы да горы,
Хребтов белоснежный оскал,
Ручьёв серебристых узоры,
Россыпи синих скал.

Казалось, для сердца горянки
Нет краше на свете земли:
Вот этой зелёной полянки
И этих столетних лип.

Но есть за горами и степи,
Есть и другая земля, —
Ясное солнце в небе,
Медленный лёт журавля!

Словно в сказке дивной
Вставал из туманных зарниц
Образ степи ковыльной,
Раскинутой без границ.

Белые хаты, солома,
Мельниц крылатых край!
Будто давно ей знакомы
Далёкие хутора...

... Шли годы путём непреложным,
Стал запад багряно-ал...
И грянул гром тревожный,
Простор степной запылал.

В боях неукротимых
Рушились стены хат,
Горянка, как в сказках старинных,
В руки взяла булат.

Как в сказках, не ведая страха,
Не зная покоя и сна,
В горячей крови и во прахе
Билась за степи она!..

Пала, сражённая пулей,
Средь жёлтых Донских степей,
И в несмолкаемом гуле
С жизнью прощалась своей.

Без слёз хоронили подругу
Возмужавшие в битвах друзья,
И стали роднее друг другу
И та и эта земля.

Не плач над ковыльной зыбью,
А песни торжественной звон, —
То с неистовой Бзыбью
Перекликается Дон.

УКРАИНСКОЙ ЗЕМЛЕЙ

Этот столб, что стоит в стороне,
Был трубою печной когда-то:
Закипали горшки на весёлом огне
И смотрела приветливо хата.

Ты видишь следы обгоревших пней,
Мутную заводь, берег унылый?
Здесь ивы росли и пел ручей,
И девушки ждали милых.

Хозяина немец сразил в дверях,
Пнул ногою, выволок в сени.
Охмелев на кровавых пирах,
Он убивал без волненья.

Мы твоею землёй, Украина, идём,
И вся ты взываешь к яростной мести.

Сочтёмся с врагом за разрушенный
дом,
За пепел сёл и могилы предместий!..

Этот столб, что стоит в стороне,
Был трубою печной когда-то,
Но снова горшки закипят на огне,
Улыбнётся приветливо хата.

ОТЕЦ

Гость через двор идёт напрямик,
Гость у крыльца головою поник.
И старец промолвил: — Знаю всё сам,
Недоброе чую по влажным глазам!
Только по правде ответствуй мне:
Как трус иль как воин он пал на войне?
— Как витязь рубился он в схватке
жаркой,
Да ворон, как видно, беду накаркал...
— Чего же, гость мой, потупил взоры,
Словно ты с вестью о страшном
позоре?
Иль предков обычай не свято храню?—
Воину — смерть иль победа в бою!
Не надо над прахом бойца рыдать,
За меч, на коня и — в битву опять!

КОНЬ

Серебром мой конь украшен,
Спутник славный, неизменный,
Смертный бой ему не страшен,
Враг пред ним бежит, презренный.

Из ноздрей клубится пламя,
Бьют, как гром, его копыта,
В пыль под ним крошится камень,
Бороздой земля изрыта.

Лесом мчась непроходимым,
Словно ветер он просвищет
И, средь зарослей незримый,
Нужный путь всегда отыщет.

А на поле необъятном,
Вторя лязгу и жужжанью,

Не смолкают топот ратный
И, как клич призывный, ржанье...

Серебром мой конь украшен,
Спутник славный, неизменный,
Смертный бой ему не страшен,
Враг пред ним бежит, презренный.

МОГИЛА БОЙЦА

Памяти Михаила Цушба, отважного снайпера Ленинградского фронта.

Там, где вязкие топи
Покрыты поблёкшим мхом,
Заносят снежные хлопья
Серый могильный холм.

Сошла недолгая юность
С его молодого лица.
Стоит берёза сутулясь
Над прахом священным бойца.

Горы крутые далёко,
Тропок не вьётся пыль.
Вознёсся в небо высоко
Адмиралтейский шпиль.

В тревожные ночи, в холод
Острый не меркнет взгляд, —
Жив несгибаемый город,
Сказочный Ленинград!

И горцу стал он ближе,
Ближе, чем мать, чем отец:
Над каждой маячил крышей
Гор снеговой венец.

Глаз его ощур меткий
Врагам не давал вздохнуть —
Вражьи смыкали веки
Пули, разящие грудь!

Поют над могилой метели,
Вьюга над нею свистит.
Как мать в родной колыбели,
Сына земля хранит.

БАЛЛАДА О ПАСТУХЕ

Целую вечность пас стада
Старый пастух Даур,
Забыла дорогу к нему нужда,
Смерть боялась его как тур.

Нежданно случилась беда
В тусклый осенний день.
Не думал старик никогда
О чёрной такой беде:

Немец пришел, косясь на снег,
Как волк из дубравы — сер,
Пыля глаза из-под рыжих век,
Угрюмый к огню подсел.

А за ним — ватага людей
(Был старику их род незнаком),

Немец сказал; „Налей!“ —
Велел напоить молоком.

Котёл осушив до дна,
К себе пастуха подозвал:
„Послушай-ка, старина,
„Как пройти на перевал?“

Покачал Даур головой,
Себя осенил крестом.
„Пришла моя смерть за мной...“ —
Сказал он беззубым ртом.

Немец мигнул друзьям,
Дескать, попали в глушь.
„Вот, часы... Ты очень упрям,
„Но это — лишь первый куш.

„Где, скажи мне, ночлег,
„Чтоб на ночь поярче свет
„И добрый весьма человек,
„И... где партизанский след?“

Словно смерть побелел старик,
И тихо сказал: „Хорошо...“

И честно, как жил, напрямик
Навстречу судьбе пошёл.

„Очень плохой и странный ты
гость“, —
Сказал он, расправив горб, —
„Для гостя такого — железный
гвоздь
„В сырой, пихтовый гроб!

„Чёрным родили тебя,
„Дурным воспитал отец.
„Не скрою, пришлец, от тебя:
„Твой я предвижу конец!

„Ощетинятся скалы как ёж,
„Трава под тобой сгорит.
„Просто у нас не пройдёшь —
„Не я, так другой отомстит!“

Гневно немец сжал уста,
Взор помрачнел, потух,
И первый удар хлыста
Принял согбенный пастух.

Старый Даур — забава штыкам,
Смех был солдатский груб,
И на съеденье волкам
Истерзанный бросили труп...

... Месяц истлел как трут,
Свод над горой запылал,
И ранней зарёй, поутру
Окрик пронёсся средь скал.

Увидели все: стоит пастух,
Пряча улыбку в усах.
Немца объял испуг —
Совсем потемнело в глазах.

Бежать?! — но куда бежать?
Или стрелять в мертвеца?
Остались пластом лежать
Тридцать два пришлеца.

Тридцать третий едва удрал,—
Счастью несказанно рад, —
И до самого утра
Не смел оглянуться назад.

Пастух был на призрак похож,
И вдруг заговорил:
„Просто у нас не пройдёшь,
„Не он, так другой отомстил!“

Пусть будет вовеки так:
Павшего сменит живой,
Бессмертный в грядущих веках,
Нерушимою станет скалой!

ПОСЛЕ ОХОТЫ

Друзья, собирайтесь в шалаш,
Положим конец охоте.
Изжаждались пасти винных чаш,
Нет места нытью и заботе!

Сложен костёр, кипят котлы.
Умойтесь, расправьте бороды,
Знайте: давно красавцы-козлы
Рукою умелой вспороты.

Старость в обнимку нас берёт,
Молодые годы — далёко.
Но с прежним задором к себе влечёт
Хриплый орлиный клёкот.

Любим попрежнему троп изгиб,
Как прежде волнуют нас дятлы,

И кто б ни окликнул: „Эй, старики!“—
Отзовёмся мы с вами вряд ли.

Берите ножи, начинайте есть
Сердце и печень добычи,
Вкусите от них во славу и честь
Владельца лесов и дичи!

Правь же столом, дорогой толумбаш,
По обычаю дедов строгих.
Пусть сегодня дырявый шалаш
Посрамит золотые чертоги.

Только застольную кончим петь,
Скажу я всего два тоста:
Первый — за счастье в охоте и впредь,
Второй — за молодость просто.

ПАСТУШЬЯ ПЕСНЯ

Буйный ветер гуляет в горах,
Стадо жмётся к скале.
Молодой пастух с кремнёвкой в руках
Вышел навстречу мгле.

Снег запушил глаза пеленой,
Ветер надгробную песню запел.
Стадо своё ведёт домой
Пастух по крутой тропе.

Потоки ревут и сбивают с ног,
Катятся камни в бездонную муть.
Он видеть вокруг ничего не мог
И сердцем прокладывал путь.

Буйный ветер гуляет в горах,
Обвалы гремят, трещат ледники.
Молодой пастух с кремнёвкой в руках,
Вернётся в аул всему вопреки!

ШАЛАШ

Тебя смастерили не руки плотника,
Простой был топор, незавидный,
Крыша твоя из папоротника,
Пол твой сырой, глинобитный.

Тесны для плеч пастушеских
Из хвороста вязанные стены!
Тянется пламенем дружеским
Прямо к лицу очаг бессменный.

Твои стены поют визгливо
В объятьях взбешенной бури,
Всклокочена кровли жёсткая грива
Над узкою тропкой турьей.

Зола и огонь... И черная копоть
Легла на широкие спины.

Сквозь сладкую дрёму слышится ропот
Замшелых дубов-исполинов.

Дождь за порогом и грома раскаты,
А мы у костра безмятежно млеем...
Ты нам родней и дороже брата,
И копоть твоя белизны милее!

О ТОМ, КАК ХУХ ЛЕШЕГО УБИЛ

Сказка

Чернее котла, что стоит на огне,
Был старый лес, и дремуч и глух.
Бесстрашный, один с ружьем на спине
Вошёл в этот лес охотник Хух.

Опасность грозила на каждом шагу,
Неминуема смерть, как нож остра!
Но не ведал Хух на своем веку,
Цвета какого страх.

Исходив все тропы в чаще густой,
Усталый прилёг у пня,
Простая песня свирели простой
Спасала его от сна.

В глухую полночь услышал он вдруг:
Кто-то настойчиво звал,
Манил его, словно верный друг,
Но лешего Хух узнал!

Леший с увёрткой на храбрых шёл,
В нежной любви уверял,
Был приятен его смешок,
А топор — на груди сверкал.

Постепенно буркою пень накрыв,
Скрылся охотник средь птичьих гнёзд.
Заметив одежду, как ветра порыв,
Леший топор занёс.

В крепкий дубовый пень
На локоть вонзился топор,
Искрами брызнул кремень —
Выстрелил Хух в упор.

В три погибели сгорбился бес,
Пыли касаясь шерстью щёк.
Рёвом могучим наполнив лес,
Пули просил он ещё.

Разве охотника проведёшь?
Первой пули боится лесной,
Второю — жизнь ты ему вернёшь,
И Хух кричит: „Довольно одной".

Бросился леший прочь,
С окровавленной головой.
И долго плачем тревожил ночь
Косматых собратьев рой.

И долго крики стояли окрест,
Как визги встревоженных сов, —
Проклинали судьбы жестокой перст
Огорчённые девы лесов.

Три дня и три ночи Хух бродил,
Искал добычи своей,
Но трупа нигде он не находил,
Ни в травах, ни средь ветвей!

СТАРИК И КРЕМНЕВКА

В серебро ты одета чеканки нездешней,
Блестит приклад янтарём, как новый.
Свидетель бесстрастный удали прежней,
Давно поистёрт курок кремнёвый.

На ковре цветном ты висишь в
гостиной,
Сердце мое наполняешь усладой.
Ты первой была на облавах звериных,
Ворог не знал от тебя пощады.

Дуло твое без огня не утешится,
Отвыкшее от ласки шомпола.
И порой тебе, как и мне, померещится,
Что удаль прошедшая лишь сном была.

ДОРОЖНАЯ

Подорожник на пути
Яркий лист расправил свой.
Льётся песня из груди
Лишь для тебя одной.

Рана вовсе не страшит,
Яркий лист — для раны!
Песня от любви хранит,
От любви коварной.

С кручи я спускаюсь вниз,
Не боясь судьбины злой, —
Взял с собой в дорогу лист
И песен рог хмельной!

Подорожник на пути
Яркий лист расправил свой.
Льётся песня из груди
Лишь для тебя одной.

ЗАБУДЬ

В траве рассыпалась луна,
Прозрачны тени тополей.
Нет, больше не придет она,
Забудь и не тоскуй о ней.

Не гложет конь стальных удил,
Стоит тяжелый, как литой.
Луне одной лишь рок судил
И утешенье, и покой.

Ты помнишь, тёмной ночью гром
И молнии тревожный свет? —
Умчали милую тайком,
И навсегда простыл их след!

Она не отстраняла их,
На помощь не звала друзей...
Напрасно ждёшь шагов глухих,
Забудь и не тоскуй о ней.

В СТАРИНУ

Без чувств привезли из-за гор
Завёрнутую в шаль.
Кони неслись во весь опор
По кустарникам и камышам.

Месяц светил во мгле
Бледноват и сутул.
Вот, прижатый к скале,
Показался чужой аул.

Далеко позади, в снегу
Милый навеки умолк, —
Струилась кровь по виску,
Кудрей разметался шёлк.

Всё бросил к её ногам
Лихой и надменный муж:

Богатств золотые стога,
Любви опаляющей сушь.

Поблёкла заветная тень,
Сердце забыло тоску.
И теперь, даже в хмурую темь,
Не приснятся ей кудри в снегу.

ПЕСНЯ АРОБЩИКА

На скрипучей арбе,
Я пою о тебе,
И песня моя широка.

И не зная о том,
Бьёт лениво хвостом
Мой буйвол крутые бока.

Пусть бы ехал сто лет,
Не устал бы, о нет! —
Все бы пел о тебе, о тебе...

Если спросят меня:
„Кто такая она?“ —
Ничего не скажу о тебе.

Лишь бы ведала ты,
Лишь бы слышала ты,
Как песнь о тебе широка!

И не зная о том,
Бьёт лениво хвостом
Мой буйвол крутые бока...

СОЛОВЬИНАЯ

Если тонет человек,
Если волн широк разбег,
Я скажу, вздохнув: о, боже,
Приговор твой непреложен!

Коль во вражескую пасть
Человек сумел попасть, —
Молния разрази меня,
Если этот не разиня!

Коль в огне горит живьём
Человек в хлеву своём,
Я скажу, вздыхая тяжко:
Рок не дал ему поблажки!

Если юноша влюблён,
Потерял покой и сон,
Залился слезой горячей, —
Вместе с ним и я заплачу...

ЧВАНЛИВЫЙ СОТРАПЕЗНИК

Мы, как есть, предстоим пред целым миром:
Я, мой друг Торкáн и кувшин вина.
Поздно уже, но в том не моя вина —
Засиделись втроём за свежим сыром.

Послушали б люди нашу беседу, —
Глаза бы таращили без конца.
Друг мой, мастер по части живого словца,
Решил рассмешить напоследок.

И я ему уступаю не очень —
Вот и весело нам. Стакан о стакан стучит...
И только кувшин — ни звука. Молчит...
Хоть и злит нас, но мы от души хохочем.

Еще бы не злиться! С виду он кислый,
И скуку на нас норовит нагнать.
И мы начинаем с Торканом гадать:
Есть ли душа у него, есть ли мысли?..

Возомнил о себе он, как видно.
Полон вина,—поэтому, может, чванлив?
Хмурится друг мой, глаза скосив, —
А я наливаю в стаканы сок завидный.

... Скоро рассвет... Нет вина для гостя.
Не спи, Торкан, торжествуй, наконец:
В руках у меня чванливый гордец...
Я бью его оземь... Трещат его кости!..

Не жалко его... Был с виду кислый,
И скуку на нас норовил нагнать...
И мы начинаем с Торканом гадать:
Имел ли он душу и мысли?...

АЧАРПАН [1]

Охотничий нож, простой камыш
Да пара умелых рук,—
И взволнует сырую вечернюю тишь
Густой, низкогрудый звук.

Поставь налево пузатый жбан,
Наполни бокал вином,—
Будет слаще играть ачарпан,
Могу я поклясться в том.

И коль поволокой затянет глаза,
Станут путаться мысли твои,
Вспомни: на вертеле стынет коза,
И друзей к столу созови.

[1] Свирель.

Проникнет песнь ачарпана в грудь,
Глубже, чем острый клинок,
Быстрей охмелеют друзья и пусть
Валятся даже с ног.

Тогда повыше бокал взметни,
Скажи нараспев, что ты не пьян,
Потом опьяней и пьяный усни
От звуков тех, что льёт ачарпан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из цикла „В БИТВАХ ЗА РОДИНУ"

	Стр.
Черноморец	3
Идущему вперёд	5
Киазыму Агрба, витязю	7
Баллада о горянке	9
Украинской землёй	12
Отец	14
Конь	15
Могила бойца	17
Баллада о пастухе	19

Из „ПЕСЕН ЛЕСНЫХ ШАЛАШЕЙ"

После охоты	24
Пастушья песня	26
Шалаш	27
О том, как Хух лешего убил	29
Старик и кремнёвка	32
Дорожная	33
Забудь	34
В старину	35
Песня аробщика	37
Соловьиная	39
Чванливый сотрапезник	40
Ачарпан	42

Редактор Х. Бгажба.

ЭИ 2341. Сдано в набор 6|V 1944 г. Подписано к печати 27|V 1944 г. Объем 2,75 п. л. Вместим. типогр. зн. в одном печ. листе 17.200. Заказ № 1200 Тираж 1650.

Типография Абгиза, гор. Сухуми